

Ся Лань в конце концов оставил Ань Ина на полпути.

Хотя юноша и выглядел крайне встревоженным, под настойчивым взглядом наставника, бросившего лишь «я сам знаю, что делаю», он был вынужден смириться и наблюдать, как фигура учителя растворяется в ночной мгле.

Дорога к Залу Праотца оказалась куда более пустынной, чем он представлял. По обе стороны высились черные сосны, чьи верхушки под порывами ветра издавали жалобные стоны, словно за ними из темноты наблюдали тысячи глаз. Чем дальше он шел, тем холоднее и тяжелее становился воздух. Казалось, даже свет звезд был отсечен неведомой силой, и лишь слабенькое сияние жемчужины ночного света в его руке разгоняло мрак.

Сердце Ся Ланя колотилось всё быстрее: наполовину от нервного напряжения, наполовину — от невыразимого предвкушения. В оригинальном романе Зал Праотца описывался как место уединенное, но окутанное томным, притягательным мраком. Здесь же всё было иначе: величие здания заставляло спину покрываться мурашками, словно это была не святыня, а заброшенная веками темница.

Подойдя к дверям, он глубоко вздохнул и толкнул тяжелые деревянные створки.

Скрип дверных петель прозвучал в ночной тишине пугающе резко. Внутри не было огней, лишь несколько жемчужин, вделанных в стены, излучали холодный свет, окрашивая всё вокруг в синевато-белые тона.

На нефритовом троне прямо перед ним восседал мужчина в темных повседневных одеждах.

Дыхание Ся Ланя на миг перехватило.

Он действительно был красив.

Не чистой юношеской красотой Ань Ина и не агрессивной, дерзкой статью Е Цзиня, а той особой притягательностью, что присуща зрелому мужчине, закаленному временем. Глубокий взгляд, прямой нос, едва заметная усмешка на губах, в которой, однако, сквозило властное величие.

Он сидел неподвижно, и в полумраке четко проступали очертания его широких плеч и узкой талии — сразу было видно, что это человек, посвятивший жизнь совершенствованию.

Ся Лань засмотрелся, и в голове невольно всплыли откровенные сцены из романа: именно этими руками он ласкал спину Лань Юйяня, именно эти глаза в минуты слабости наполнялись темным огнем желания...

В тот самый момент, когда его мысли зашли слишком далеко, колени вдруг подогнулись, и он,

потеряв контроль над телом, с глухим стуком рухнул на холодный нефритовый пол.

Сердце Ся Ланя пропустило удар, а следом нахлынуло тайное возбуждение. Началось! Это знакомое чувство подчинения!

Человек на троне наконец заговорил, его голос, низкий, словно гул древнего колокола, был полон недовольства:

— Совсем распустился.

Ся Лань сглотнул и, подражая тону Лань Юйяня из книги, намеренно добавил в голос дрожи:

— Учитель...

Он ждал продолжения — того самого «воспитания», о котором читал: что наставник поднимет его подбородок своими крепкими пальцами или проведет подушечками пальцев с мозолями от меча по его губам.

Однако желанного прикосновения не последовало.

Теплая ладонь внезапно вцепилась ему в запястье и рывком поставила на ноги. А следом раздался сухой щелчок — и мерная линейка с размаху опустилась на его ладонь!

— А-а! — Ся Лань втянул воздух сквозь зубы, совершенно ошарашенный.

Ладонь горела огнем, боль была острой и совершенно реальной — никакой двусмысленности.

Он в недоумении поднял взгляд на Праотца. На лице того не было ни тени вождения, лишь неприкрытый гнев:

— Посмотри на себя! Совершенствование заброшено, делами Мира Бессмертных занимается ученик, даже основы этикета забыты. Это и есть тот Бессмертный Преподобный, которого я воспитал?

Едва он закончил фразу, как последовал новый удар линейкой, еще тяжелее прежнего.

Ся Лань вздрогнул, на глазах выступили слезы.

Что-то не так! Сценарий перепутали?!

Где в оригинале была линейка? Праотец наказывал Лань Юйяня иначе: приковывал шелковыми нитями к ледяному ложу или стегал кнутом с шипами, но всякий раз это было болезненно-сладострастное мучение, заканчивающееся в постели.

А сейчас? Почему это превратилось в обычную порку?!

— Учитель, я... — Ся Лань хотел оправдаться, что не то чтобы не хотел совершенствоваться, просто не умел! И делами Мира Бессмертных Ань Ин занимался не по его прихоти, а потому что сам он был не в состоянии их решать.

— Еще смеешь спорить? — Лицо Праотца помрачнело, взгляд стал ледяным. — Похоже, обычная линейка тебя больше не берет.

Сердце Ся Ланя подпрыгнуло. Вот оно! Наконец-то!

Он наблюдал, как Праотец подошел к стойке у стены, где висел тонкий черный кнут, отливающий холодным блеском.

Сняв кнут, он повернулся к Ся Ланю и произнес тоном, не терпящим возражений:

— Снимай верхнюю одежду.

Сердце Ся Ланя забилось в горле. Пальцы дрожали, распуская пояс. Хотя ладонь всё еще ныла, его мысли были заняты сюжетом книги: сейчас будет кнут, а потом...

Он намеренно медлил, украдкой поглядывая на наставника, пытаясь найти в его глазах хоть искру страсти.

Но взгляд Праотца оставался ледяным. Он даже нахмурился, подгоняя его:

— Чего копаешься?

Ся Лань больше не смел медлить и поспешно сбросил лунно-белый халат, оставшись в тонком нижнем одеянии.

В следующую секунду раздался свист рассекаемого воздуха, и кнут с силой опустился на его спину!

— А-а! — вскрикнул Ся Лань, чувствуя, как кожу будто обожгло огнем.

Этот удар был в десять раз сильнее линейки — быстрый, жестокий, чистая кара.

Не успел он прийти в себя, как последовали второй и третий удары. Сначала была просто жгучая боль, но вскоре кончик кнута рассек кожу, и кровь пропитала тонкую ткань, а каждое движение казалось пыткой, раздирающей кости.

Ся Лань дрожал всем телом, холодный пот пропитал одежду, и он невольно начал оседать на пол.

— Учитель... хватит... я правда понял свою ошибку... умоляю...

Он рыдал, больше не в силах держать лицо Бессмертного Преподобного. Голос срывался на всхлипы, а пот, попадая в раны на спине, причинял невыносимые страдания.

Но мольбы не остановили Праотца, напротив, его лицо стало еще суровее.

— Замолчи! — рявкнул он. Кнут замер в воздухе, в глазах читались разочарование и гнев. — Посмотри на себя! На что ты похож?!

Он указал на Ся Ланя, и его голос прозвучал как удар клинка:

— Ты — владыка Мира Бессмертных, Лань Юйянь, почитаемый всеми! Где твой стержень? Где выдержка, которой я тебя учил? Всего несколько ударов — и ты уже в слезах, жалкий и бесформенный! Как ты собираешься править Миром Бессмертных, как будешь противостоять тем, кто жаждет нашей крови?

Ся Лань опешил. От боли кружилась голова, но каждое слово он расслышал отчетливо.

Глядя на лицо наставника, полное досады, и слушая эти жестокие, лишённые жалости упреки, он почувствовал, как внутри закипают обида и гнев.

— Выпрями спину! — голос Праотца стал еще громче, пропитанный властью. — Встань на колени как следует! Если еще раз взмолишься о пощаде — получишь в десять раз больше!

Ся Лань был вынужден выпрямиться. Колени горели от боли на холодном нефрите, спина кровоточила, и он был на грани обморока.

Он до крови закусил губу, слезы катились по щекам, а в голове билась одна мысль:

Что за феодальный бред?!

Где обещанная страсть? Где воспитание? Это же просто бесчеловечное истязание!

Он, человек современного мира, никогда не испытывал ничего подобного. Знал бы, что перемещение в книгу обернется поркой, ни за что не стал бы читать эту дрянь по ночам!

[Система: Обнаружены сильные эмоциональные колебания, вызванные наказанием. Внимание! Уровень благосклонности Праотца продолжает падать (текущий: -5/100). Пожалуйста, немедленно успокойтесь!]

Ся Лань: «...»

Успокойся сама, чертова железяка!

Это что, нормальный сценарий? Это же настоящая пытка!

Он хотел всё бросить! К черту этот пост Бессмертного Преподобного, он хочет домой!

Но острая боль в спине и онемение в коленях напоминали: всё это по-настоящему. Он не мог сбежать.

Праотец, видя, что Ся Лань, несмотря на дрожь, выпрямил спину, слегка смягчился, но голос остался холодным:

— Стой на коленях и размышляй! Пока не поймешь, в чем провинился, не смей вставать!

Сказав это, он вернулся к столу, закрыл глаза и перестал обращать на него внимание.

Ся Лань стоял на коленях, кровь со спины капала на пол, образуя яркие красные пятна.

Боль, обида, гнев — всё смешалось в одно чувство, готовое его поглотить.

Глядя на холодную спину Праотца, он впервые осознал: «нормальность» этого мира для него куда страшнее, чем безумие оригинального романа.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Праотец наконец снова заговорил:

— Убирайся. В течение трех дней перепиши Формулу Очищения Сердца сто раз и перерисуй карту обороны Западных границ. Если не хватит хотя бы знака, сегодняшним уроком не отделаешься.

Ся Лань, словно получив помилование, с трудом поднялся, накиннул на плечи халат и, поклонившись, шатаясь, вышел из Зала Праотца.

Лишь выйдя из того самого мрачного соснового леса и почувствовав тепло звезд, он осмелился прислониться к дереву и жадно глотнуть воздуха. Ветер, коснувшись ран на спине, заставил его потемнеть в глазах.

Он посмотрел на свои покрасневшие ладони, коснулся липкой крови на спине, и слезы хлынули из глаз.

Не от боли, а от осознания полного краха.

Это не прохождение миссии, это пытка уровня ада!

Он поплелся к своим покоем, каждое движение отдавалось невыносимой болью.

Проходя мимо Персиковой рощи, он заметил знакомый силуэт.

Это был Ань Ин.

Юноша явно волновался и всё это время ждал его здесь.

Увидев жалкий вид Ся Ланя, Ань Ин изменился в лице и бросился к нему:

— Наставник! Что с вами?!

Он сразу заметил кровь на халате, бледное лицо и покрасневшие глаза Ся Ланя.

— Это Праотец... — голос Ань Ина дрогнул, а в глазах вспыхнул гнев.

Ся Лань посмотрел на него, и нахлынувшая обида заставила его всхлипнуть:

— Ань Ин... мне больно...

Ань Ин подхватил его, поддерживая слабеющее тело, и в его голосе зазвучали ярость и беспокойство, каких Ся Лань еще никогда не слышал:

— Наставник, он снова бил вас?! И так сильно?!

Ся Лань кивнул, и слезы градом покатились из глаз.

— У-у-у... Ань Ин...

<http://bllate.org/book/21785/2253006>